

9/59
T 82

Тульская Старина.

✓

Кто не желаетъ знатъ своего
Отечества,

Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

Издание Тульской Епархиальной Палаты
Древностей.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Управляющаго Палатой Древностей

Н. А. Троицкаго.

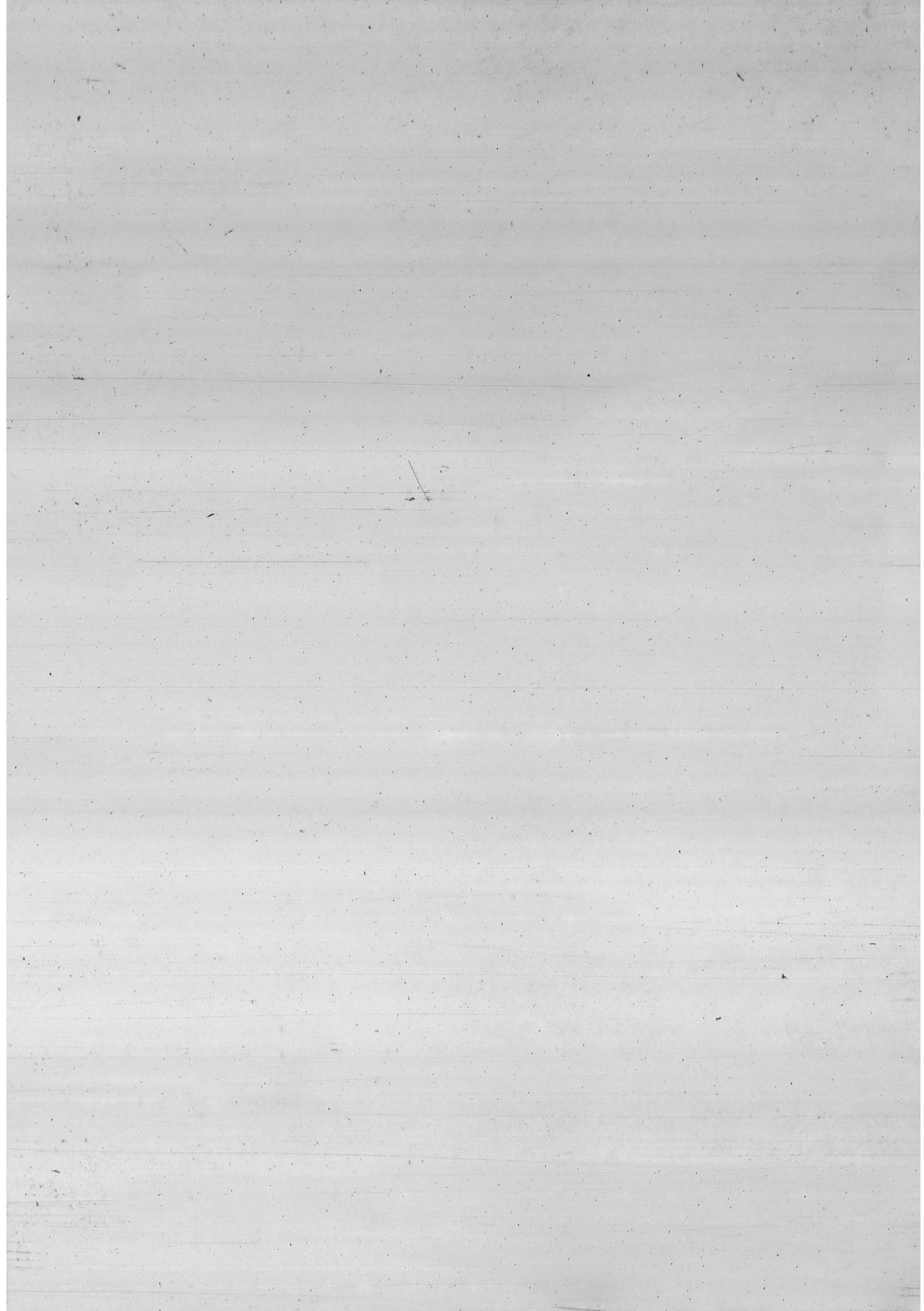
22.

ТУЛА.

Типографія Е. И. Дружининой, Киевская ул., д. № 18.

1911.

Тульская Старина.

Кто не желаетъ знать своего
Отечества,
Тотъ не достоинъ называться
его сыномъ.

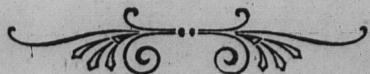
Издание Тульской Епархиальной Палаты
Древностей.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Управляющаго Палатой Древностей

И. И. Троицкаго.

22.

ТУЛА.

Типографія Е. И. Дружининой, Киевская ул., д. № 18.

1911.

LAPACK Getup

TRANSPONDED XISIP
HONGKONG

ТУЛЬСКАЯ СТАРИНА.

TYPEWRITER COMPANY.

Церковь и духовенство въ дѣлѣ древне-русскаго образованія и просвѣщенія.

Два года тому назадъ во всѣхъ епархіяхъ православной русской церкви и во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ разнаго типа торжественно праздновалось 25-лѣтіе существованія возстановленной державною волею Государя Императора Александра III церковной школы. Тогда, на торжествахъ, съ чувствомъ глубочайшей признательности вспоминался этотъ великій актъ приснопамятнаго Монарха. Вспоминалось и Его державное слово, обращенное къ православному духовенству: „Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего призванія“ — къ просвѣщенію и образованію народа *).

Послушные Царскому призыву и ободренные имъ служители Церкви энергично принялись за открытие церковно-приходскихъ школъ, въ которыхъ они должны были внести духъ православной вѣры и церковности. Но, прежде чѣмъ это великое и святое дѣло просвѣщенія начало прививаться, — сколько пришлось слышать возраженій противъ него, сколько порицаній! Всѣмъ памятны вопли недоброжелателей церковно-приходской школы. Однимъ она казалась зданіемъ, построеннымъ не только на пескѣ, но даже на воздухѣ, другимъ она казалась какимъ-то абсурдомъ, а болѣе крайніе противники ея находили въ церковно-приходской школѣ не просвѣщеніе, а только извращеніе духовной природы дѣтей; одинъ изъ такихъ не постыдился сказать, что „въ такъ-называемыхъ церковно-приходскихъ школахъ не учатъ, а развращаютъ“

*) Предлагаемая благосклонному вниманію читателей статья готовилась къ юбилейному году церковно-приходской школы, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ — задержалась. Думается, что и теперь, когда такъ недавно вопросъ о церковной школѣ остро ставился въ Государственной Думѣ, умѣстно вспомнить съ благодарностью и объективною справедливостію о давнишней роли и заслугахъ церкви и нашего духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

крестьянскихъ мальчишекъ: ихъ не развиваются, а забиваютъ, ихъ учатъ вѣрить во всѣ старинныя поповскія сказки и строго держаться суевѣрій и предразсудковъ". Словомъ, чего,— чего не напоминали мнимые ревнители просвѣщенія! И, однако, что же?

Церковно-приходская школа не только не умираетъ и не глохнетъ, но растетъ и развивается не по днямъ, а по часамъ. Теперь школы эти завоевали себѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, такъ что прежніе порицатели ихъ все болѣе замолкаютъ. Повидимому, болѣе серьознымъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ замѣчаній противъ церковно-приходскихъ школъ является то, что институтъ церковно-приходскихъ школъ началъ организовываться безъ подготовленныхъ твердыхъ средствъ. "Школа церковная", по замѣчанію одного высокообразованного Москвича, "вышла на дѣланіе свое, не имѣя ни сребра, ни меди при поясѣ, безъ всякой поддержки богатыхъ народными средствами земствъ". Но, видно, духовнораввенное учрежденіе не всегда необходимо требуетъ золотыхъ и каменныхъ подпорокъ, въ организациіи его преимущественное значение имѣютъ нравственная сила и самоотверженная готовность призванныхъ дѣятелей служить святому дѣлу. Такою-то нравственною силой и крѣпка наша церковно-приходская школа. Она возсоздана на началахъ исторически сложившихся и всегда крѣпко хранящихся въ глубинѣ души русского народа. Она положила въ основу свою развитіе этихъ началъ. Начала эти — беззавѣтная преданность народа Церкви православной и всегдашнее стремленіе "живть по-Божески". По словамъ Ф. М. Достоевскаго, "нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и Его ученіе..., въ огромномъ большинствѣ своемъ онъ православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, хотя не разумѣеть эту идею отвѣтчиво и разумно".

На этой почвѣ изстари созидалось народное образованіе. Съ другой стороны, самыми естественными и историческими учительями народной жизни являются церковные пастыри.

Съ тѣхъ поръ какъ св. Кирилломъ переведены были, прежде всего, знаменательныя слова Евангелиста-Богослова — "Въ началѣ бѣ Слово", — началось славянское просвѣщеніе, началась и своя славянская литература. И съ этихъ же поръ славянскій языкъ сдѣлался языкомъ священнымъ, языкомъ церковнаго богослуженія для всего племени Славянскаго: тогда же разрушено было давнишнее суевѣріе, якобы имя Божіе можетъ быть прославляемо

только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ. Такой подвигъ славянскихъ просвѣтителей имѣлъ величайшее значеніе для русской земли. Благодаря ему, строго-восточное православіе быстро привилось къ русскому народу и пустило самые глубокіе корни. Православіе сдѣлалось самымъ отличительнымъ признакомъ русского народа. Вѣра православная легла во главу угла всего русского государственного строя. Въ годъ 1000-лѣтія русской государственности владыка Филаретъ, митрополитъ Московскій, встрѣчая Императора Александра Николаевича въ Успенскомъ соборѣ, такими словами выразилъ эту мысль: „что было началомъ огражданствованія и просвѣщенія Россіи? Что объединило ее послѣ княжескаго раздробленія? Что не допустило ее падь подъ чужимъ игомъ и исторгло изъ-подъ ига? Что изъ разрушительного междоусобія возсоздало ее въ сильно сосредоточенную монархію? Не паче-ли всего вѣра православная?“ (Собр. соч. м. Филарета 1885 г. V, 549 — 550).

Вѣра православная, сослуживъ великую службу „огражданствованію Россіи“, заронила и первыя сѣмена ея просвѣщенія. Первыми просвѣтителями книжною славянскою мудростію были тѣ же лица, которые были и просвѣтителями душъ святою вѣрою Христовою, то-есть,— это были церковные пастыри. Кромѣ ихъ, никто не могъ взять на себя дѣла книжнаго наученія и религіознаго просвѣщенія.

„Нача Владимиrъ,— говоритъ лѣтописецъ,— ставити по градомъ церкви, людіе нача приводити на крещеніе, нача ставити поповъ къ церквамъ и нача поимати у нарочитыя чада дѣти и даяти ихъ въ наученіе книжное“. Сынъ его Ярославъ, прозванный Мудрымъ, былъ великимъ ревнителемъ просвѣщенія; онъ „церкви ставяше, поставляя попы, веля имъ учiti люди“. Самъ онъ, любя уставы церковные, по замѣчанію лѣтописца, „попы любящие повелику, излиха же черноризцы, и книгамъ прилежа и почитая я часто въ нощи и во дни“. Такимъ образомъ, въ первый же періодъ нашей церковной исторіи крѣпко сложилось убѣжденіе, что дѣло книжнаго наученія есть преимущественно дѣло лицъ духовныхъ. Неразрывно съ этимъ убѣжденіемъ развивалось и самое пониманіе цѣлей и пользы грамотности: существеннѣйшій смыслъ ея заключается въ томъ, чтобы понимать „глаголы живота вѣчнаго и поучаться закону Господню день и нощь“. Первые наши учителя Славянъ уже поставили вопросъ о рели-

гіозно-нравственномъ развитіи человѣка и считали обученіе по-средствомъ „слова букваго“ необходимымъ условіемъ усовершенствованія нравственнаго. Одинъ славянскій епископъ IX вѣка, Климентъ, говоритъ: „душа безбуковная мертвa.“ Мысль о необходимости просвѣщенія и грамотности, слившаяся съ мыслию о Біблії, привилась къ русскому сознанію. Приведемъ слова нашего лѣтописца о пользѣ ученія книжнаго: книги указываютъ и учатъ насъ пути покаянія, мудрость идержаніе получаемъ мы отъ словесъ книжныхъ; это—рѣки, напояющія вселенную, это—исходища мудрости, ими мы въ печали утѣшаемся, они узда воздержанія. Вотъ почему древне-русскій человѣкъ почитаніе книжное считалъ дѣломъ спасительнымъ и не рѣдко даже говорилъ: „кто часто чтетъ книги, тотъ бесѣдуеть съ Богомъ и св. мужи“, или даже: „не возможно спастися, еже не часто прочитающимъ божественные писанія“. И это мнѣніе вполнѣ естественно: книги, явившіяся въ то время, были Св. Писанія, богословскія, святоотеческія, богослужебныя и др., содержавшія въ себѣ ученіе вѣры и спасенія.

Въ періодъ монгольской обстоятельства дѣла въ существенныхъ чертахъ не измѣнились. Какъ и раньше, духовенство оставалось единственнымъ учителемъ народа. Но внѣшняя условія для ученія книжнаго были менѣе благопріятны, и не потому только, что тогда было монгольское иго, а еще не менѣе потому, что тогда была постоянная междуусобица князей. Отъ этого періода не сохранилось свидѣтельствъ о заботахъ князей по учрежденію особыхъ училищъ. Но за то отъ того времени осталось одно очень важное свидѣтельство, что неграмотный членъ въ духовной средѣ признавался уже явлениемъ ненормальнымъ, подлежалъ изгнанію изъ этой среды, былъ *изгой*.

Въ одной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода-Гавриила читаемъ: изгои трои: поповъ сынъ *грамотъ не умѣетъ*..., затѣмъ перечисляются другіе виды изгойства.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія монгольского періода, говоритъ авторъ *Очерковъ исторіи церковно-приходскихъ школъ*, Церковь православная, въ лицѣ своихъ пастырей, спасла Руси ея духовное просвѣщеніе и „книжное наученіе“. Какъ единственное образованное на Руси сословіе, духовенство не переставало учить народъ въ храмѣ и школѣ, малыхъ и взрослыхъ, продолжая устроить и поддерживать училища, „на утвержденіе

вѣры" (очеркъ 2-й, стр. 29). Несомнѣнно, то же было, только съ значительно большимъ оживленіемъ, и въ періодъ послѣ-монгольской. Отъ XVI вѣка сохранилось особенно важное, и для нашего времени поучительное, свидѣтельство о томъ, что тогда непремѣнными и самыми естественными учителями народными считались церковные пастыри и причетники. Свидѣтельство это заключается въ слѣдующемъ постановлѣніи Стоглаваго собора: „и мы, по царскому совѣту, соборнѣ уложили: въ царствующемъ градѣ Москве и по всѣмъ градомъ (и на посадѣ, и по волостямъ и по гостямъ) протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ избрati добрыхъ священниковъ и діаконовъ, дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ... у тѣхъ священниковъ и діаконовъ учинити въ домахъ училища, чтобы всѣ православные христіане коемждо градѣ предавали имъ дѣтей своихъ въ *наученіе грамотѣ и наученіе книжно-письма и церковнаю пѣнія псалтыринаю и чтенія на лойнаю*, и тѣ бы священники и діаконы, и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію". Таковъ былъ типъ школъ въ XVI вѣкѣ; такимъ же остался онъ и въ XVII вѣкѣ. Современные церковно-приходскія школы представляютъ собой большое подобіе ему, только, конечно, со многими усовершенствованіями. Въ XVIII Петръ Великій, съ котораго начали свое существованіе свѣтскія школы, засталъ одни духовныя училища. Но и послѣ Петра свѣтскія школы были школами не для низшихъ классовъ народа, а для сословій дворянскаго и военнаго; простой же народъ по-прежнему продолжалъ черпать мудрость въ книгахъ „божественныхъ", каковы: Исалтий, Часословъ, церковный букварь и т. п.

Доселѣ мы говорили о характерѣ древне-русскаго образованія, насколько оно касалось русскаго народа, въ мірѣ живущаго. Но если говорить о „древне-русской учености", то во главѣ ея, несомнѣнно, нужно поставить монастыри и обители. Древне-русскіе монастыри, примѣняясь къ современной терминологіи, можно называть высшими учеными заведеніями того времени. Тогда всякий, кто хотѣлъ узнать больше книжной мудрости, стремился въ монастырь. Кромѣ библіотеки, основанной Ярославомъ при Киевскомъ Софійскомъ соборѣ и преждевременно погибшей, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя было тогда найти такихъ богатыхъ библіотекъ, какъ только при монастырѣ, потому что чтеніе и списываніе книгъ было самымъ любимымъ занятіемъ монаховъ.

Въ древности говорили даже такъ: „яко же корабль безъ гвоздій не составляется, тако инокъ безъ почитанія книжнаго“. Относительно этой дѣятельности русскихъ монастырей находимъ въ лѣтописяхъ многочисленныя замѣчанія; часто въ нихъ рисуются чудныя картины. Полночь, тишина; но въ келліи игумена Феодосія свѣтъ. Тамъ молодой ученикъ игумена—Иларіонъ, мастеръ писать, пишетъ книги. Самъ игуменъ Феодосій, распѣвая псалмы, прядеть нитки для связыванія тетрадей, а великий Никонъ переплетаетъ написанныя книги. Умеръ великий игуменъ, но остался жить духъ его. Послѣ его смерти, устроенный имъ монастырь сдѣлался разсадникомъ просвѣщенія для всей Россіи. Чернецы этого монастыря, расходившіеся по разнымъ надобностямъ во всѣ концы Россіи, разносили вмѣстѣ съ собою и просвѣщеніе. Но этой многоцѣнной дѣятельности Печерскаго монастыря былъ положенъ конецъ княжескими усобицами и татарскимъ погромомъ, во время котораго монастырь былъ разрушенъ. Тогда выступила Троицко-Сергіева Лавра, заявившая себя на первыхъ же порахъ широкою книжною дѣятельностію. Самъ преподобный Сергій любилъ книжныхъ людей и съ особеною энергией поощрялъ ихъ дѣятельность. Изъ Троицко-Сергіева монастыря расходились книжные люди по всѣмъ мѣстамъ Россіи. „Кириллъ, ученикъ и другъ Сергія, занимавшійся въ его монастырѣ перепиской книгъ, сдѣлавшись настоятелемъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, поощрялъ иноковъ писать книги и говорилъ имъ, что въ ихъ кельяхъ не должно быть ничего, кроме книгъ. Любовь иноковъ къ переписыванію была очень велика; они говорили: „печаль меня объемлетъ, аще не пишу“. И потому всякая область Россіи имѣетъ какого-нибудь монаха, какъ представителя книжнаго дѣла, и хвалится имъ. И послѣднее вполнѣ справедливо. Для насъ трудъ переписыванія сдѣлался совершенно излишнимъ. Но что, если бы насъ перенести въ ту пору, когда обѣ услугахъ печатнаго станка еще не знали: тогда только могли бы мы понять и оцѣнить заслугу тѣхъ скромныхъ тружениковъ просвѣщенія, которые день и ночь просиживали за этимъ утомительнымъ занятіемъ и цѣнной упорнаго, кропотливаго труда выпускали на свѣтъ Божій одну рукопись за другою и оставили по себѣ ученому міру дорогое наслѣдство въ тѣхъ старинныхъ, часто великолѣпныхъ, фоліантахъ, которые доселе служатъ украшеніемъ библіотекъ.

Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется намъ характеръ древне-

руssкаго образованія и просвѣщенія, начиная съ низшихъ школъ грамоты при сельскихъ приходахъ и погостахъ и кончая центрами просвѣщенія—монастырями. Таковъ завѣтъ нашей исторіи. Свѣтъ народнаго образованія на Руси (какой тогда былъ возможенъ) исходилъ отъ сословія, которое, по завѣту Спасителя, всегда должно быть на свѣшнице, да свѣтилъ всѣмъ человѣкамъ. Сообразно съ этимъ, блаженный Филаретъ, митрополитъ Московскій, говоритъ: „во всѣхъ историческихъ обстоятельствахъ въ теченіе 900 лѣтъ народъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ“. Намъ рисуется вся православная Русь, какъ одинъ великий храмъ Божій, на вершинѣ котораго зиждется крестъ Христовъ. Подъ куполомъ этого храма во многовѣковой періодъ Руси совершалось многое множество перемѣнъ, но крестъ Христовъ стоялъ всегда и стоитъ незыблѣмо доселѣ и не даетъ поколебаться осѣняемому имъ государству. Къ сему кресту всегда устремлялись взоры русскихъ въ лютыхъ бѣдахъ и скорбяхъ, у него искали они и находили помощь противъ непріятелей; къ нему же, наконецъ, обращались истинно-руssкіе люди за свѣтомъ и просвѣщеніемъ.

Намъ слышится возраженіе: не идеализируемъ ли мы прошлое русского народа въ отношеніи къ просвѣщенію; гдѣ мы тамъ усматриваемъ образованіе, когда исторія несомнѣнными свидѣтельствами подтверждаетъ намъ, что на Руси царило невѣжество, что въ древности даже среди духовенства было много такихъ лицъ, которые не понимали „ни православія, ни кривославія, а божественное писаніе только по чернилу проходили“; среди же простого народа царila безпросвѣтная тьма! Умъ и чувство народа питались различными суевѣріями, легендами, часто языческаго характера, сказаніями, при непониманіи вѣры православной. Да, несомнѣнно, образованіе нашего народа въ прошломъ было вообще скудно. И многое множество было въ немъ темныхъ и прискорбныхъ сторонъ. Но да позволено будетъ спросить: совершается ли такое великое дѣло, какъ народное просвѣщеніе, гдѣ нибудь скоро? Но стоитъ только вспомнить продолжительную темную эпоху среднихъ вѣковъ, чтобы отвѣтить: „нѣтъ и нѣтъ“: Мы такъ привыкли и прислушались къ порицанію русскаго народа за невѣжество въ прошломъ, что будто позабываемъ этотъ общій историческій законъ и, вмѣстѣ, какъ бы совершенно не обращаемъ вниманія на всегдашнее доброе настроеніе рус-

скаго народа, которое заключается въ томъ, что онъ всегда стремился къ свѣту и не даромъ сложилъ пословицу: „ученье свѣтъ, а неученье тьма“, при чемъ искалъ свѣта истиннаго, церковнаго.

Въ этомъ основномъ настроеніи народа—вся суть дѣла: его, главнымъ образомъ, нужно имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь о народномъ образованіи. Самыя отрицательныя стороны въ состояніи древне-руссаго образованія подтверждаютъ нашу мысль. Въ многочисленныхъ легендарныхъ сказаніяхъ, повѣрьяхъ, апокрифическихъ сочиненіяхъ и т. п. мы усматриваемъ не что иное, какъ попытку древне-руссаго человѣка рѣшить вѣковые вопросы на почвѣ церковно-православной. И не его была вина въ томъ, что при рѣшеніи ихъ онъ, по своей неразвитости и, можно сказать, еще младенческому состоянію, не могъ отличить истины отъ лжи и нерѣдко вѣрилъ самимъ цѣлѣлымъ побасенкамъ только потому, что онъ выдавались за произведенія святоотеческія. Онъ,—припомнімъ здѣсь вышеприведенныя слова знаменитаго писателя,—„православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, и только не разумѣеть эту идею отвѣтчило и разумно“.

Всегдашняя, высокая и святая задача русскаго духовенства и заключается въ томъ, чтобы черезъ школы научить нашъ народъ разумѣть все больше и больше идею православія „отвѣтчило и разумно“. На этотъ подвигъ призываешьъ наше духовенство все: и историческій завѣтъ, и священный завѣтъ Христа, апостоловъ и церкви, и положеніе духовенства среди народа и постоянное соцріосновеніе съ нимъ. Оглашеніе и ученіе входить въ число обязанностей пастыря церкви, какъ одна изъ самыхъ существенныхъ. Конечно, изъ числа научаемыхъ никоимъ образомъ не могутъ быть исключены дѣти, которыхъ въ наученіи нуждаются болѣе всѣхъ. А для этого единственный путь—церковная школа, потомучто церковная каѳедра и церковное обученіе для дѣтскаго пониманія еще недоступны. Итакъ, несомнѣнно, первоначальное школьнное христіанское образованіе есть непремѣнная обязанность пастыря.

Въ 10 правилѣ VII Вселенскаго собора говорится: „паче всего подобаетъ учiti отроковъ, читая имъ божественныя писанія, ибо для сего и священство получили“. Такимъ образомъ, „педагогическая дѣятельность“, какъ говорить известный педагогъ и психологъ Ушинскій, „не только не противорѣчитъ характеру

дѣятельности священнослужителей, но является самымъ необходимымъ ея дополнениемъ". Дѣло воспитанія и образованія крестьянскихъ дѣтей на началахъ церковныхъ много облегчается тѣмъ, что крестьянскіе мальчики сродняются съ церковю еще задолго до начала ученія. Самыя лучшія и вмѣстѣ самыя сильныя впечатлѣнія крестьянской мальчикъ получаетъ только въ церкви, которая доставляетъ его дѣтской душѣ безконечный рядъ не только религіозныхъ ощущеній, но и впечатлѣній эстетическихъ и др. Школѣ остается осмыслить и освѣтить эти впечатлѣнія.

Далѣе, положеніе самого священника въ деревнѣ таково, что помимо его никого нельзя тамъ указать,—къ кому бы болѣе справедливо приложимъ было имя „учитель“, „наставникъ“. Несомнѣнно, еще не мало есть такихъ глухихъ уголковъ на Руси, гдѣ не знаютъ учителя въ сюртукѣ — изъ свѣтскихъ, и очень много такихъ, гдѣ къ этимъ учителямъ относятся съ предубѣжденіемъ, но нѣтъ ни одного такого уголка, гдѣ бы крестьяне въ лицѣ своего „батюшки и отца духовнаго“ не признавали и учителя. Въ глазахъ крестьянъ священникъ — самый книжный человѣкъ, который долженъ всѣхъ учить, а они должны слушаться его: „если ужь и священникъ чего нибудь не знаетъ, то кто чего еще знаетъ“, обычно говорятъ крестьяне.

Такъ высоко стоитъ авторитетъ священника въ глазахъ простого народа. Понятно, поэтому, что крестьяне съ полной охотой вручаютъ своихъ дѣтей руководству такого лица, и священникъ со стороны ихъ никогда не встрѣтить такихъ подозрительныхъ отношений, такихъ косыхъ взглядовъ, какіе въ недавнее время силошь и рядомъ выпадали на долю народныхъ учителей — особенно на долю не совсѣмъ осторожныхъ изъ нихъ. Кромѣ полнаго довѣрія и авторитета, священникъ, наконецъ, располагаетъ и еще весьма многими преимуществами предъ учителями пришлыми. Такими преимуществами являются: знаніе народа и близость къ нему, постоянное соприкосновеніе съ нимъ, освященіе своихъ прихожанъ таинствами отъ купели крещенія, благословеніе ихъ во всѣхъ важныхъ жизненныхъ событияхъ. Словомъ, священнослужители храма Божія должны имѣть въ жизни народа такое же важное значеніе, какъ и самыи храмъ Божій. А значеніе послѣдняго для народа огромно.

Вступая въ храмъ, крестьянинъ вступаетъ, такъ сказать, на почву вселенскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на почву національно-

историческую, чувствуетъ себя едино со всѣми православными христіанами и, въ частности, со всею русскою семьей и съ отдаленными предками. Внимая въ церкви „глаголамъ жизни“, онъ внемлетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отеческому преданію. Но теменъ онъ, крестьянинъ, тщетно напрягаетъ слухъ, смыслъ многихъ словъ, символическое значеніе обрядовъ, послѣдовательность и полнота Божія откровенія, отъ него ускользаютъ ири богослуженіи. И говоритъ онъ себѣ: неученѣе тьма, а ученѣе свѣтъ. И съ радостію встрѣтитъ онъ ту школу, которая воистину поведетъ его къ свѣту, подниметъ его въ высшій духовный міръ, сдѣлаетъ ему доступнымъ разумѣніе Слова Божія.

Итакъ, союзъ церкви со школой требуется и нашею религіей, и историческимъ завѣтомъ, и самимъ народомъ. А потому понятно, что въ дѣлѣ народного образованія духовенству должно принадлежать самое видное мѣсто.

Димитрій Скворцовъ.

|||

